

ЗАВИРУСИЛИСЬ

ИРИНА
КИКИНА

18+

Ирина Кикина
Завирусилась

«Автор»

2020

Кикина И. Е.

Завирусилась / И. Е. Кикина — «Автор», 2020

«Завирусилась» — это сборник коротких фантастических и юмористических рассказов, связанных только общей темой вируса и карантина. Заходите, будет интересно!

© Кикина И. Е., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Геша	6
Растяпы	9
Дезинфекция	11
«Чтоб тебе пусто было!»	13
Великий Карантин	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ирина Кикина

Завирусилась

Несвязанные рассказы карантинного периода

Геша

Тонкий пластик овощечистки хрупнул у Лизы в руках. Чуть не плача, она смотрела на обломки. Только хотела порадовать домашних жареной картошечкой, а не опостылевшей гречкой, которой запасли мешка два и теперь готовили во всех мыслимых и немыслимых видах...

Если чистить картошку ножом, то непривычные руки срежут половину клубня вместе с кожурой. Конечно, кожура тоже не пропадет. Её Лиза измельчала и добавляла в размоченные кошачьи сухари. Кот подозрительно нюхал массу, кобенился, но ел.

Был, конечно, вариант одолжить овощечистку у соседки. Но на всякий чих одалживать не будешь. И был ещё вариант обратиться к Герману Петровичу. Но не за просто так, естественно.

Даже притом, что соседи по подъезду общались мало, кое-что просачивалось. В основном, через консьержку, которая неудержимо приседала на уши всем слишком воспитанным и не слишком спешащим. Она и рассказала Лизе про Германа Петровича.

Ему было под сорок или даже под пятьдесят, жил на восьмом этаже в двушке с мамой, которая звала его Гешей и готова была часами расписывать той же консьержке бесконечные достоинства и совершенства своего дитятка. Геша был преподавателем в государственном вузе, вёл что-то заумно-математическое. По бюджетникам карантин ударил менее заметно, им даже платили что-то за простой. Уже только это ставило Гешу в выгодное положение по сравнению с другими жильцами, которые проживали накопленное и бились в попытках найти работу, которой просто не было.

Геша был дядька со странностями. Что понятно. Одевала, обувала и обслуживала его самая ярая фанатка – пожилая мама. А Геша, оторвавшись от тлена и быта, мог заняться действительно важными вещами. Читал. Книжные шкафы и полки в двушке шли от пола до потолка и непомерно, клаустрофобски стискивали коридор с обеих сторон. Дальше коридора Лиза в квартиру мамаГеши не заглядывала, но подозревала, что книги есть и в остальных комнатах.

Ещё Геша, эрудированный сверх всякой меры, любил решать кроссворды, чайнворды, линкворды, сканворды и прочие -ворды из газет и журналов. Решал он их алчно, нахрапом, с дрожющими от нетерпения руками. И сейчас находился на грани ломки, потому что поток новых -вордов был до боли скуден.

Кроме того, Геша любил шахматы. Как любил – восхищался, боготворил, превозносил – нет в человеческом языке слова, чтобы описать чувство Геши к шахматам. Сублимировал, видно, те чувства, которые доступными и простыми словами смачно отражены в книгах со значком «18+».

Но это ладно, у каждого свои тараканы, и то, что у Геши их чуть больше, никак не отменяло того факта, что эти тараканы теперь правили всем подъездом. Потому что у Геши был ещё один пункт: он маниакально копил.

До карантина увидит, бывало, в магазине акцию на стиральный порошок – и купит целых двадцать коробок. Скидка же. Увидит цветной ценник на подсолнечном масле – тянет домой четыре пятилитровые баклажки. В маленькой двушке образовался такой склад продовольствия и бытовых товаров, который двое обитателей квартиры не перевели бы и за несколько жизней. Консьержка нашёптывала, соседи посмеивались, но теперь все ходили к мамаГеше и их тараканам на поклон. И Богу молились о здравии Германа Петровича, потому что их подъезду голодная смерть не грозила в ближайшие года два.

Вот Лиза и думала, а не сходить ли к мамаГеше, то есть уважаемому и досточтимому Герману Петровичу. Уж наверняка в его закромах найдется овощечистка!

Но тут надо было знать, на какой козе подъехать. Книжку взять как подношение? Только надо угадать, какой у него нет? Подшивку старых журналов с нерешёнными головоломками? Не хотелось её отдавать: Лиза берегла подшивку на чёрный день. В конце концов, головоломки можно было вырезать, а остальную бумагу использовать по прямому назначению...

В итоге Лиза после долгих колебаний решила сделать ход конём. Ей от деда досталась редкая книга по теории шахмат. Можно отдать её за овощечистку, незаменимую в хозяйстве вещь. Только бы не вышло так, что у Гешы эта редкость уже есть.

В маске на лице и пакетах поверх тапок (пакеты регулярно стирались и сушились) Лиза поднялась на восьмой этаж. Перед дверью сняла маску, пакеты с ног, затолкала в карман кофты. С трепетом позвонила. Герман Петрович открыл почти сразу и замаячил на пороге своей одутловатой опарышевой фигурой. Водянистые глазки дёргались тиком, давно не мытые полуседые волосы свисали до плеч.

– Здравствуйте, Герман Петрович, – робко сказала Лиза.

Тот недовольно скривился и фыркнул. Фыркал он часто и шумно, как потревоженный ёж.

– Ну здравствуй. Чему обязан?

– Хотела попросить вас о большой услуге. Нет ли у вас овощечистки? Я бы с удовольствием купила...

Геша зафыркал сильнее:

– Деньги не беру. Ничего они теперь не стоят, деньги.

– Я не за деньги, – заверила соседка.

Смерив девушку недоверчивым взглядом, Геша кивнул.

– Ладно, поищу.

Хлопнул дверью перед самым её носом. Потянулось унижительное ожидание.

Наконец Геша снова явился на пороге. В руках у него была новенькая, ещё в целлофане, блестящая овощечистка почти того же вида, что и сломанная. Сердце у Лизы забилося.

– На что меняешь? – неприязненно спросил «купец».

Лиза достала из-под кофты своё сокровище и протянула Геше. Тут тоже была тонкость. Геша, как и многие неотмирные люди, не признавал пандемии, истерии, масок и перчаток. Он был не из тех девяноста процентов, что пьют чай и смотрят телевизор, а из той десятины, что пьют настой чайного гриба и смотрят... а чёрт их знает, что смотрят. Ковёр, может быть. Или дождь. Или прорастание помидорной рассады на подоконнике. Или даже своё воображение. Так что к нему нельзя было являться в маске, класть книгу на пороге и отходить на полтора метра. Нет, только личный контакт.

Герман Петрович голыми руками принял книгу и стал рассматривать. Брови у него поползли вверх, а челюсть наоборот – вниз.

Он спешно сказал: «Я сейчас», – и исчез в квартире, даже забыв закрыть дверь.

Через минуту явился из своего домашнего склада с полными руками. Четыре пакета риса, пакет сахара, пачка соли, соды, бутылка масла, смёрзшаяся в камень курица только из морозилки, две овощечистки и (смущение и гордость на рыхлом лице) большая упаковка дамских гигиенических средств. Лиза ахнула от восторга. А Геша, ошарашенный давно желанной книгой, попытался расцеловать соседку. Та, увиливая и хихикая, вежливо отбрехала.

Но уж на том, чтобы помочь донести богатства, Геша настоял. Довольная Лиза сердечно его поблагодарила, и как только Герман Петрович удалился, поскорее продезинфицировала руки, обувь, лицо, пакеты с продуктами и отправилась обрадовать домашних.

Этим вечером ужин был хорош, как никогда. Лиза, сияя, наблюдала, как семья уплетает картошку с мелко-мелко порезанной куриной поджаркой. И пообещала себе завтра же пересмотреть антресоли, где пылилось дедово наследство. Может ещё чем-нибудь выручит давно почивший дедушка.

Но в самом главном он уже помог неоценимо. Потому что на крайний-крайний, тяжёлый-тяжёлый случай у Лизы был припрятан ещё один козырь. Разряд по шахматам. Спасибо, дедушка. А то Геннадий Петрович стосковался, поди, по достойным соперникам.

Растяпы

Сидит Начальник оборонного НИИ в тайном бункере, а перед ним в отдельных герметичных боксах – Утконос, Долгопят и Шерстокрыл. Похоже на начало абсурдного анекдота, ан нет. Настолько несмешно, что облысеть можно.

– Адъютант Бурундук?

Бурундук, человек с лицом квадратным и непроницаемым, как шкафчик картотеки, подал Начальнику три папки.

– Давно это с ними?

– Симптомы начали проявляться около двух часов назад. Предположительно, их состояние связано с инцидентом, произошедшим в начале февраля.

Юноша с кодовым именем Утконос, с немалой примесью кавказской крови и действительно выдающимся носом, был изолирован в левом боксе. Смирительная рубашка, стеклянный взгляд, всё тело напряжено, как трибуны перед пенальти в дополнительное время. Так он замирал то на минуту, то на полчаса, а отмирал внезапно и разрушительно.

В среднем боксе рыжий, пухлый Долгопят то хихикал, то хохотал в голос, то катался по полу в припадке истерического смеха. От смеха он весь покраснел, покрылся потом и задыхался, но остановиться был попросту не в силах.

Шерстокрыл в правом боксе был полон дурной энергии. Всё в этом сухоньком, несуразном человечке бурлило и било через край. Он то декламировал, то отжимался, то бегал кругами по своей крошечной клетушке, то бил кулаками в односторонне-прозрачное стекло, требуя бумагу и ручку, шоколадку и справедливости.

Начальник вздохнул и устало потёр лоб.

– Инцидент? – нахмурился он. Так много было инцидентов в последнее время...

– Сбой в ПО, штатив с пробирками заклинил в роботе-смесителе. Эти трое попытались вытащить их вручную, в результате произошла утечка.

– Идиоты. Но они прошли карантин? – безнадежно спросил Начальник, наблюдая за метаниями Шерстокрыла.

– Так точно. Видимо, инкубационный период оказался дольше, чем мы могли предполагать.

– Подключи меня к Шерстокрылу. И вызови кого-нибудь. Пусть вколют Долгопяту успокоительное. Лопнет же.

Исполнительный Бурундук нажал несколько кнопок и тихонько забубнил в незаметный микрофон.

Стекло в боксе Шерстокрыла стало прозрачным в обе стороны. Горе-учёный уселся напротив Начальника, смиренно сложил руки на коленях. Такие пальцы, как у Шерстокрыла, решают судьбу за человека: быть ему либо пианистом-виртуозом, либо искусным лаборантом, способным помыть любую посуду для экспериментов.

– Ну? – буркнул Начальник.

– Каюсь! – с готовностью выкрикнул песочимый. – Был криворук, вряд ли исправлюсь! Но согласитесь, приятно знать, что, по крайней мере, эти три вещества работают! И своей оплошностью мы сэкономили полгода, а то и год дополнительных исследований, проб, тестов и тому подобного! Служу науке и готов быть морской свинкой! Побочных эффектов не боюсь, тело своё завещаю родному НИИ на опыты.

– Это была не оплошность, а халатность. Преступная, – устало подчеркнул Начальник.

В бокс Долгопята вошёл суровый медбрат в костюме космонавта из далёкого будущего. Зафиксировал безудержно икающего пациента, сноровисто вколол ему что-то в плечо, уложил на мат отдыхать и беззвучно покинул комнату.

– Значит у вас, Шерстокрыл, бешеный энтузиазм?

– Так точно! – сухонький человечек подпрыгнул и сделал пару боксёрских ударов. – У Долгопята заразительный смех, а у Утконоса беспричинная агрессия. Все три состояния чрезвычайно контагиозны и передаются воздушно-капельным путём. Инкубационный период два месяца и восемь дней, продолжительность пика активности пока неизвестна, носитель заразен предположительно весь период выздоровления, то есть около недели.

– Эхх, – покачал головой Начальник. – Так. Наблюдение круглосуточное. Два раза в день отчеты по состоянию, жизненным показателям, реакциям на раздражители, интенсивности... эээ... симптомов. Как пойдут на спад, дадите мне знать. А Утконосу повесьте грушу в бокс, что ли. Пусть занимается, выплескивает.

У Начальника было кодовое имя Хомяк. И он это имя не любил, но полностью оправдывал. У Хомяка ничего не пропадало даром. Так что пару месяцев спустя СМИ запестрело новостями о том, что банда наркоторговцев из-за приступа беспричинной агрессии самоликвидировалась в перестрелке, а работники отечественного автозавода в порыве бешеного энтузиазма вывели машиностроение на новый уровень. Затем по городам России вдоль Транссиба резко поднялось настроение (вирус заразительного смеха удалось ослабить, свести к сдержанному оптимизму). А потом, конечно, все три вируса встретились, перемешались и началось такое... Впрочем, примерно такое же, как и всегда у нас бывает.

Дезинфекция

Сан Саныч, надвинув потрепанный треух и нацепив многоразовую маску, вышел во двор с черпаком и ведрами. На груди у него болтался пропуск. Ему единственному из квартиры разрешалось раз в день выходить за самым необходимым. А самое необходимое что? Дезинфекция.

Поповский уже топтался в маленькой беседочке возле накрытой листом алюминия ванны. Свои ведра уже набрал, но теперь медлил, курил, против приказа поджидал Сан Саныча.

Тот, не доходя положенную дистанцию, поднял черпак на длинной палке, будто копьё.

– Что торчишь тут, старый мухомор? Помереть спешишь?

Поповский ответил с расстановочкой:

– Двум смертям не бывать, а одной не миновать. Да я уж и пожил, чего бояться.

Он отошёл подальше, чтобы регламент соблюсти, но не покидал тени беседки. Зато Сан Саныч мог теперь по всем правилам приблизиться к дезинфекции.

Аккуратно снял крышку, начал черпать. Поповский выдохнул дым через нос и стал, по обыкновению, краснобаять.

– А слышал ты, Санчо, что ить вирус мутировал? Ага. Говорят, кому за шестьдесят, все полягут до одного. Ну, думаю, и ладно, молодым место освободим, ртов поменьше кормить, опять же. А детей-то, вишь, наоборот теперь, не будет зараза брать. Внучка моя уже два года только на балконе и гуляет. А так хоть до дезинфекции ходить будет.

– Ясно, ясно, – пробубнил Сан Саныч, пытаясь черпаком поймать увертливую заспиртованного жука. Хотел домой принести диковину, а то и съест вечером на закуску. Любил он эти короткие разговоры с соседом: хоть было чем язык и воображение размять. – А я вот знаю, карантин продлевают, но скоро разрешат на крышу выходить. По десять минут в сутки каждому жителю. Главное, чтобы на ночь не пришлось.

Сан Саныч любил оптимистические басни, а Поповский завёртывал что пострашнее.

– Да брехня. Я вот с соседом через стену перестукиваюсь. Так он говорит, на крышах опасно. Птицы, мол, тоже вирус подхватили, но их он не косит, ага. Только помёт у них дюже ядрён стал, на три пальца вокруг и вниз всё прожигает. Так что тех, кто на верхних этажах живёт, уже ночами потихоньку на крытых брезентом машинах вывозят. Куда – неизвестно, но кажись, в чисто поле, потому что селить их некуда и кормить не на что.

– Да ладно тебе стущать-то. Ничего такого у нас в здании не слышно.

Сан Саныч уже наполнил ведра, заботливо укрыл их полиэтиленом и обвязал ниткой, чтобы не расплескать. Накрыл и ванну алюминиевым листом, а капли спирта из черпака вылил на ладонь и протёр бледную, чистую шею. Конечно, будешь чистым – каждый день с ног до головы спиртом обтираться. И одежду в нём стирать. Он поглядел на линялые обноски и вздохнул. Тоже достал нечто, похожее на сигареты. Бесплезную маску опустил на щетинистый подбородок.

– А я вот знаю, на днях должны машины быть с ценным грузом. К пунктам дезинфекции будут подвозить мешки с корнем имбиря и кумином. Кумин заваривать, а корень на кусочки резать и привязывать к левому запястью и щиколотке. Так и убьём вирус, и снова людям можно будет на улицу ходить.

– Не-ет, – скорбно покачал головой Поповский и затушил бычок о ладонь. – Куда там. Обещают еще на два года карантин продлить. А питаться будем крысами подвальныхми, они уже вымахали с добрую кошку. Всех кошек сожрали.

Сан Саныч вздохнул: кошек он любил когда-то, а сейчас и правда сожрали. То ли крысы, то ли люди.

– Ну бывай, приятель, заболтались мы.

Сан Саныч поправил треух, снял черпак с палки, повесил на пояс. А на крючья, приделанные к концам палки, примостил вёдра.

– Не хворай, – пожелал Поповский и тоже направился к своим, пересказывать выдумки Сан Саныча самым страшным образом.

Шёл второй год карантина. Самое страшное было... внутри.

«Чтоб тебе пусто было!»

Алексей Михалыч – алкоголик с говорящей фамилией Бухарин. Стаж в пьянстве куда длиннее, чем в профессии слесаря. После на редкость тяжёлого и долгого запоя очнулся посреди загаженной, провонявшей и пустой халупы.

Клавка, ведьма рыжая, слиняла. Свои шмотки собрала и кое-что Бухаринское прихватила. Понятно, много не возьмёшь: телевизор да микроволновка, а всё остальное заложено давно. Жаль. А то можно было бы телик в ломбард оттащить, на поправку здоровья и вообще на прожитьё.

«Вот Клавдия, вот дрянь», – вяло думал Бухарин, обыскивая многочисленные мелкие нычки. Почти обо всех сожительница пронюхала и скудную наличность из них выгребла. Сквозь туманную муть забулдыга вспомнил, как она рывкнула на прощание: «Чтоб тебе пусто было!» – тряхнула бесовской своей рыжей башкой и хлопнула дверью. Пусто-то пусто, а в одной нычке нашлась пятачка. Можно и пивасом разжиться, и пожевать чего купить.

Когда адепт зелёного змия уходил в своё «паломничество», стояли тёплые, хоть и ветреные мартовские деньки. А теперь вернулся, выглянул в окно – снег. Поди ж ты. Ну что, март-марток, наденешь семеро порток. Знать бы, какое число.

В коридоре напялил унылую бобровую шапку и дутую куртку, обулся в ботинки, которые почти потеряли сходство с обувью, но грели и не протекали. Побрёл к магазину.

На улице – никого. Снега, что ли испугались? Вон какой-то с собакой гуляет. Собака в наморднике и он туда же. Чисто медбрат.

Ноги привычно несли Бухарина в магазин, а мрачные мысли крутились вокруг предстоящей миссии. Ну и к Клавдии возвращались неизменно. Ах Клавдия, ах колдовка драная, дочиста всё слизала!

Мимо прошёл дворник, тоже в наморднике. На Бухарина тарачился так, что тот уж подумал, не выросло ли у него что на лице. Пощупал даже.

В магазине было тихо и безлюдно. Толстая недовольная кассирша – тоже в маске (что с её внешностью было только в плюс) – заученно зачатила:

– Гречка, рис, соль, сахар, спички, макароны, тушёнка, сгущёнка, туалетная бумага интересуют?

Голова раскалывается, а тут ещё эта тарактит.

– Не надо, – буркнул алкаш и повертел в руках упаковку быстрой лапши. Э, как в цене поднялась!

– Маски одноразовые? – не сдавалась жируха. Когда Бухарин и от них отказался, посмотрела на него возмущённо.

В магазин зашёл кореш и собутыльник, Никита Воробьёв. И этот в наморднике. Уставился на незамаскированного Бухарина, на его тощий пакет с продуктами.

– Привет, старина. Ты что же, гречку не берёшь?

– Далась вам эта гречка! – досадливо отмахнулся Бухарин. – Человеку здоровье поправить надо, какая тут гречка!

– Ты что же, не знаешь ничего?

Размытое подозрение закралось в душу алконавта. Пустые улицы, пустой магазин, маски, гречка эта...

– Чего не знаю?

– Эх ты, НЛО с ушами! Ты с луны свалился, что ли?

– Да нет, к бате на тот свет наведалься, мне пока места не дают, – хехекнул Алексей Михалыч.

– Долго ты у него гостил, гляжу, – заметил дружбан и начал сгребать в огромную клетчатую сумку челнока всё тот же набор продовольствия: гречка, рис, соль, сахар, спички, макароны, тушёнка, сгущёнка, туалетная бумага... Жируха на кассе одобрительно кивала.

– У нас тут эпидемия, чтоб ты знал. Из дому – только до мусорки или до магазина. Кто по улице просто так шаболдается – увозят. Народ хвосты прижал, ящик смотрит и боится ещё больше. Так что ты это... пиво оставь, а гречки прикупи. По-братски советую.

Лицо Бухарина вытянулось сантиметров на десять. Посмотрел на свой пакетик, на влажную, мятую купюру в руке, на бездонную суму Воробьева, в которую половину магазина можно было сгрузить. Сглотнул. Отнёс на полки то, что уже взял. Снял несколько пакетов крупы и дешёвых макарон – на что денег хватало. Кажись, в ближайшее время придётся жить в вынужденной трезвости.

Кассирша пробила чек, теперь куда благосклоннее глядя на Бухарина поверх намордника. Но естественно, с героем дня, Воробьёвым, ему было не сравниться.

Понуро шёл обратно, к дому. Вдыхал колкий зимний воздух, смотрел на безлюдные улицы, будто в последний раз.

Дома поставил на огонь кастрюльку с водой. Посолил. Пока закипала, отыскал среди всякой рухляди на незастеклённом балконе престарелое радио. Включил в сеть, покрутил. Послушал. Ужаснулся. Насыпал в воду крупы.

Эх, было б тыщ пять денег. Закупить водяры. И микробов убивает, и жидкое топливо, и об ужасах забыть помогает. Но нет. В ближайшее время – только крупа. И кипяток на заправку.

Медленно жуя, пообедал. Набросил пальто, снова вышел на балкон. Оглядел с высоты шестого этажа покинутые улицы, снежное безмолвие. Патрульная машина проехала мимо, бубня через громкоговоритель жёсткие условия нового режима. Проехала – и опять мёртвая, зловещая тишина. А в голове тупо билось и звенело Клавкино «Чтоб тебе пусто было!»

Алексей Михалыч всхлипнул. Воздел руки к небу, затряс кулаками, заорал:

– Ах Клавка, ах ты ведьма проклятая! Ну ладно меня, это понятно. А весь мир-то, мир-то за что?

Он закрыл лицо руками и глухо завыл. Из его бороды на бетонный пол балкона падали зёрна недоваренной гречки.

Великий Карантин

Брат Эуген в церемониальной Короне Вируса вошёл к собравшимся на вечернюю проповедь. Сделал знак Вируса Дремлющего: левый кулак торжественно накрыл правой ладонью. Присутствующие встали, повторили его жест. Пастырь кивком позволил всем сесть и сам тоже устроился на возвышении. В уютном Общем бункере был желтоватый полумрак. Брат Эуген привычно откупорил блестящий флакончик, висевший на шее, капнул на ладонь прозрачную жидкость с резким запахом, тщательно растёр. Снял с шеи флакончик и пустил в паству. Через несколько безмолвных минут священный сосуд вернулся к хозяину.

Брат Эуген обвёл глазами односельчан. Все были в блёкло-голубых традиционных масках смирения. Молодцы. Хоть это не забыли.

– Ну что же, дорогие, мы все собрались здесь перед ежегодным испытанием на прочность. Поднимите руки, кому исполнилось шестнадцать.

Несколько робких кулаков поползло вверх.

– Поздравляю вас, теперь вы тоже принимаете полноценное участие в Великом Карантине.

Несмелые кивки и явно кривые усмешки под лоскутами голубой ткани. Да, расхлябанная молодёжь пошла. Не хочет инициации. Хочет, чтобы всё легко и просто было. Ну-ну...

– Вы все и так знаете о Великом Карантине, но моя обязанность вам передать, а ваша обязанность – выслушать. Когда-то давно на плечи наших предков легло тяжкое бремя. Настал час Вируса Лютующего. И спрятались люди по каменным норам, и лицо своё закрыли от страха. То был Великий Карантин, время примириться с близкими, время поразмыслить о жизни, время умерить страсти, время воздать благодарность за то, что у вас есть, и не просить большего.

Он помолчал, будто прислушиваясь к мыслям собравшихся. Задумчиво кивнул, продолжил:

– Итак, братья и сестры, нам предстоит нелёгкие сорок дней. Не выходить из дома, питаться умеренно или даже скудно из собственных запасов, носить маски, омыwać руки Горькой Водой трижды в день. Работать будут только врачи, продавцы и дружинники. Знаю, продвигу вопросы. Детей гулять не пускаем. Я вижу недовольство на ваших лицах, но предки наши терпели и нам велели.

Брат Эуген знал, что особо ярые мамочки будут выводить детей, полагая, что их никто не видит. И что те, кто успел запастись всяческими лакомствами, будут продавать продукты из-под полы. И что дома не будут люди пребывать в муках праздности и бездействия, а будут работать, смеяться, ходить без масок, забывать об омовениях. Но все же Великий Карантин сплачивает и дисциплинирует. И помогает понять, кто есть кто. Вспомнить о самом важном.

Слышались лёгкие шепотки: «Поздравляю тех, кому шестнадцать. Тоже мне, радость. Это как с началом школы поздравил... А я говорю, детей дома держать не буду. Невозможно, когда они целый день гойсают и родной бункер разносят... А тем, кому за шестьдесят, вообще предлагают в скиты отправиться и там в маске молчания поклоны класть за наше здоровье. Не, наша бабка не пойдет, она у нас дюже языкатая, и полдня не выдержит».

Брат Эуген вздохнул. Как жаль, что он не жил во времена Пришествия Вируса. Вот где были настоящие испытания. А где сейчас тот истинный Вирус? Не Вирус, а вакцина одна... И не очиститься человечеству по-настоящему, вплоть до Второй Пандемии...

Он говорил об этом и о многом другом. С тёплой грустью смотрел на размякших, привыкших к сытости и здоровью людей. Ну что ж. Каждому дается по силам. Значит, и он слаб, если досталось ему такое стадо.

Закончив проповедь очередным патетическим призывом, пастырь вновь пустил флакончик в толпу. Односельчане, облегчённые окончанием проповеди, теперь во время омовения шептались и хихикали. Когда Горькую Воду вернули, Брат Эуген встал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.